

Р. Е. Вайсберг. Проблемы пятилетнего перспективного плана. ГИЗ, 1928. Стр. 167. Цена 75 коп.

На XV партсезде особенно резко подчеркивался и был осужден своеобразный статистический уклон в нашем перспективном планировании, сущность которого сводится к нагромождению груды количественных показателей, в которых растворяются и исчезают как основные экономические проблемы и задачи пятилетия, так и система экономических мероприятий, связанных с осуществлением этих задач. Работа тов. Вайсберга ни в какой мере этому уклону не подвержена. Бесспорно говорит автор: „Нельзя становиться на ту точку зрения, согласно которой перспективный план должен быть составлен без всяких цифровых прикидок. Без цифровых придержек план будет плавать по волнам стихии и совершенно обесценится“. Но в одинаковой мере бесспорно и то, что „ценность как прошлых, так и будущих планов заключается не в колонках цифр, а в том экономическом смысле, который за цифрами кроется“.

Ценность брошюры тов. Вайсберга заключается, прежде всего, именно в том, что она пытается „собрать воедино“ и под определенным углом зрения изложить основные экономические проблемы пятилетки; лишь в качестве иллюстрации в брошюре анализируются количественные показатели последних ее вариантов. Выход этой брошюры как нельзя более своевременен, особенно в связи с тем, что за последнее время снова делаются попытки поднять уже давно решенные вопросы о соотношениях между отдельными составными частями народного хозяйства, о соотношениях между отдельными отраслями промышленности, о темпах, о сбалансировании во что бы то ни стало и т. д.

В соответствии с поставленной автором задачей материал брошюры систематизирован и расположен не по отраслям народного хозяйства, а в разрезе основных проблем, стоящих перед пятилетием. Поскольку пятилетний план является составной частью, отрезком генерального плана, автор в изложении идет от общего к частному, от проблем генерального плана к пятилетнему. Такое построение брошюры, естественно, связано с некоторыми повторениями (это, впрочем, сознает и сам автор), однако, не механического характера, так как повторное рассмотрение одного и того же вопроса происходит с различной точки зрения.

Наша система планирования по содержанию своему является сейчас гораздо более богатой и сложной, чем 4—5 лет тому назад. Генеральный план, пятилетний план, контрольные цифры, ежегодные оперативные и квартальные планы и стоящие особняком конъюнктурные наблюдения, — вся эта ступенчатая система объединена одной идеей, одной установкой, „общим заданием — построения социализма в СССР“, при чем „характер плановых изменений, глубина реконструкции и самый процесс изменений тем значительнее, чем с более длительными планами мы имеем дело“.

Общая трудность нашего перспективного планирования заключается не только в том, что нам приходится совершать его в мелко-крестьянской стране с различными экономическими формациями, но и в том, что у нас нет разработанной теории советского хозяйства. Имеющиеся в этой области работы носят не столько позитивный, сколько негативный

характер. Вскрывая неприменимость законов капиталистического хозяйства в нашей экономике, давая в лучшем случае „обоснование пройденного нашей экономической пути“, эти работы „не проливают света на те специфические отличия, которыми будет отличаться период пятилетнего и генерального плана от нашего советского прошлого“. А между тем, для перспективного планирования важно знать не только „конечную цель“, не только, что будет достигнуто, но и как будет протекать процесс? Будет ли нарушаться или упрочиваться равновесие в народном хозяйстве? Каковы пределы нашего воздействия на частно-хозяйственную стихию? На эти и другие вопросы теория нам не дает ответа. Более того, „даже необходимость постановки ряда проблем, — пишет автор, — выявляется только в процессе самой работы“. Отсутствие теории советского хозяйства усугубляет, разумеется, возможности буржуазного влияния на план.

Буржуазное влияние не единственная опасность, которой подвержено перспективное планирование. Не менее опасной является возможность бюрократизации планов, которая тем значительнее, чем длительнее плановый период. Страховка от последней опасности может быть произведена двумя путями. „С одной стороны, — пишет автор, — каждый год пятилетнего плана должен контролироваться в своем практическом выполнении контрольными цифрами данного года, а с другой стороны — самый пятилетний план составляется в двух вариантах: отправном и оптимальном“.

Вопрос о вариантах плана настолько интересен, что на нем следует особо остановиться. В самом деле, в чем должно заключаться отличие между этими обоими вариантами? В практике нашего планирования это отличие обычно усматривается, главным образом, в большем росте количественных показателей по всем направлениям и разрезам плана: валовой продукции, рабочей силы и т. д. У самого тов. Вайсберга мы не находим полной ясности в этом вопросе. „Отправной вариант, — говорит он, — является планом сугубой осторожности. В отличие от него оптимальный вариант рассчитан на более благоприятное сочетание тех возможностей, которые у нас имеются, т. е. тех условий, которые при составлении плана намечаются“ (45). „В соответствии с этим, — продолжает тов. Вайсберг, — цифровое выражение в плане в отправном и оптимальном варианте различное“. Дальше идет ссылка на размеры валовой продукции в отправном и оптимальном вариантах.

Нам представляется, что отличие отправного варианта от оптимального не только количественное различие.

В качестве иллюстрации можно сослаться на следующее. В связи с выпадением на ближайшие два—три года зернового экспорта мы, для устранения возникающей в связи с этим новой диспропорции в отправном варианте пятилетия сообщаем промэкспорту весьма сильный темп роста, который известным образом опережает рост соответствующих отраслей промышленности. При этом мы исходим из известных отправных темпов ликвидации зернового кризиса. Но в оптимальном варианте мы в праве рассчитывать на более быструю ликвидацию этого кризиса и в связи с этим на более быстрый рост зернового экспорта, более выгодного для нас на данной стадии индустриализации. При этих условиях ясно, что в этом же оптимальном варианте вовсе не обязательно дальше „разгонять“ промэкспорт. Возможно, что темп роста последнего по некоторым, особо дефицитным товарам можно даже и несколько сократить. Так или иначе, результатом этого будет иная структура нашего промэкспорта в целом, одного из важнейших участков народного хозяйства. Мы имеем здесь, следовательно, в оптимальном варианте не

только иное „количество“, но и иное „качество“. И это относится почти ко всем областям нашего планирования. При общем росте валовой продукции в оптимальном варианте состав этой продукции, т. е. соотношение между отдельными отраслями, может быть и будет иным, чем при отправном варианте.

Другим не менее интересным вопросом методологии планирования является вопрос о балансовом методе, тесно связанный с вопросом о наших объективных возможностях, диспропорциях и темпах. К сожалению, этому вопросу в брошюре уделено совершенно недостаточное внимание, объясняемое, по видимому, тем, что в момент составления брошюры вопрос о балансовом методе не приобрел еще того актуальнейшего и, мы бы сказали, политического значения, какое он приобрел в самое последнее время.

Идея баланса является вполне здоровой и нужной, при том условии, однако, если вложить в нее рациональное, так сказать, революционное содержание. Основное содержание наших планов дается соответствующими целевыми установками, которые являются не оторванными от жизни утопиями и в той или иной степени (в зависимости от срока плана) учитывают объективную хозяйственную обстановку. При осуществлении этих целевых установок мы сталкиваемся с целым рядом трудностей, возникающих из того, что нам приходится строить социализм в технически отсталой, мелко-крестьянской стране. При этих условиях балансовый метод должен явиться совершенно необходимым рабочим приемом, вскрывающим узкие места плана, вскрывающим трудности, концентрирующим нашу волю и энергию на преодоление ирригаторское смягчение последних. В этом заключается основная идея, основной смысл балансового метода. „Только учет... всех факторов и плановая увязка их позволяют вести хозяйство по пути более или менее планового, более или менее бескризисного развития“, — читаем мы в тезисах по пятилетке к XV съезду.

Поскольку на данной стадии планирования составление общего народнохозяйственного баланса нам не под силу, тов. Вайсберг совершенно правильно рекомендует идти по пути составления „целого ряда частных балансов, вскрывающих взаимную связь важнейших элементов народнохозяйственного целого“ (баланс накопления, капитальных затрат, экспортно-импортный и т. д.).

Но совершенно очевидно, что при сохранении основных целевых установок, данных XV съездом, даже самый лучший учет всех факторов не может устранить трудности, возникающие из самой целевой установки, и тех темпов, которые диктуются нам всей международной и внутренней хозяйственной обстановкой.

Между тем, в последнее время мы встречаем несколько иную оценку идеи баланса. Вместо рабочего приема балансовый метод превращается в „вещь в себе“, в такой метод, который в каждый данный момент должен устранить трудности, устранить диспропорции, механически „сбалансировать во что бы то ни стало“ напряженные элементы народного хозяйства, без учета последствий этого уже для самого ближайшего будущего.

Баланс строительных материалов и выводы, которые из него делаются, наиболее характерны для практической иллюстрации обоих взглядов. Известно, что по первоначальному наброскам этого баланса мы имеем в 1928/29 г. дефицит в кирпиче в размере около 9%, балдах, швеллерах около 30% и т. д. Какие выводы вытекают для нас из этого баланса? Очевидно, что необходимо путем некоторого перераспределения средств бросить больше средств на этот участок, в максимальной

степени использовать имеющиеся здесь скрытые возможности и резервы, перейти, где это только возможно, на потребление недефицитных строительных материалов, упростить конструкции зданий и, наконец, подсократить немного непромышленный сектор народного хозяйства, который забирает себе подавляющую часть этих материалов. Считаясь с несомненным напряжением, которое при всем этом здесь будет иметь место в будущем году, мы все же не можем идти на сокращение темпа промышленного строительства, темпа индустриализации. Если даже и придется пойти на некоторое сокращение промышленности, то это может быть сделано не раньше того, чем будут использованы все перечисленные выше средства. Между тем, если встать на точку зрения механического, бухгалтерского балансирования, то выход усматривается, прежде всего, в сокращении промышленного строительства, т.е. в приспособлении к узкому месту.

Примеров подобных балансу строительных материалов можно привести великое множество. Все они с очевидностью доказывают реакционность идеи механического баланса, балансирования во что бы то ни стало, при котором устранение одной диспропорции достигается путем обострения всех остальных.

Между тем, действительное диалектическое балансирование, наоборот, предполагает смягчение всех диспропорций путем, может быть, создания новой временной диспропорции. Область внешней торговли в пятилетии является лучшей иллюстрацией этого положения. Известно, что мы имеем диспропорцию между размерами нашего экспорта и импортными потребностями, которая имеет тенденцию к обострению в связи с выпадением хлебного экспорта. Выходом из этого напряжения является не сокращение импорта, которое было бы именно механическим балансированием, а такое развитие в ближайшие два года остального сельскохозяйственного и, главным образом, промэкспорта, которое „нарушило“ бы возникающую здесь угрозу для темпа индустриализации. Но в связи с этим мы в ближайшие 2—3 года будем иметь (имеем уже сейчас) новую диспропорцию между структурой экспорта и уровнем индустриализации страны. Тов. Вайсберг совершенно прав, когда говорит, что „план должен быть рассчитан таким образом, чтобы изжить не только те диспропорции, которые имеются в настоящее время, но и те частные менее болезненные диспропорции, которые будут в дальнейшем накапливаться“.

Следует отметить заметное противоречие между общей концепцией автора и освещением им проблемы товарного голода. Автор, прежде всего, сводит товарный голод исключительно к дефициту предметов личного потребления, по крайней мере, только об этом дефиците идет речь в соответствующем параграфе. Такое освещение товарного голода, с которым мы действительно иногда встречаемся, обычно связывается с определенными выводами (соотношение между тяжелой и легкой индустрией и т. д.). Это же противоречие нашло свое отражение и в том, как автор представляет себе ликвидацию товарного голода. Последнюю он связывает с достижением довоенных норм потребления. „По всем важнейшим товарам, — пишет автор, — продукция на душу населения будет к концу пятилетия в значительной мере превышать довоенный уровень... Таким образом (?), мы к концу пятилетия не только форсируем темп индустриализации, но, вместе с тем, и изживаем (?) товарный голод по основным предметам широкого потребления“. Прежде всего, совершенно очевидно, что довоенные нормы не могут служить показателем наших успехов или слабых мест; достижение или значительное превышение довоенного уровня ничего не способно нам сказать о степени лик-

видации товарного голода. Причины товарного голода лежат совершенно в другой области и в основном связаны с теми структурными изменениями, которые произошли за время революции. Установка партии на непрерывный подъем материального благосостояния широких масс неизбежно создает диспропорцию между спросом и размерами предложения, являющуюся одним из основных стимулов нашего развития. Именно здесь гнездятся основные причины явлений товарного голода, которые не в острой форме, разумеется, являются известным образом спутниками всего нашего развития.

Заключительная глава, посвященная вопросу о социально-экономических формах перспективного развития народного хозяйства, принадлежит к наиболее интересным частям брошюры.

В общем, рецензируемая брошюра является лучшим из того, что имеется в области популярного освещения пятилетнего плана. В частности, она может послужить весьма ценным пособием для многочисленной армии учащейся молодежи и всей системы партийного просвещения.

Язык брошюры — ясный, четкий и вполне соответствует ее основному назначению. Укажем, кстати, что одна из основных идей пятилетнего плана — снижение цен при одновременном повышении качества — лишь частично нашла себе отражение в самом издании ее: цена, правда, не дорога, но опечаток предостаточно.

З. Сушков

Теодор Хаккерт. Индустриализация сельского хозяйства. Перевод с немецкого, под редакцией проф. Я. А. Мирошкина. Изд. „Новая Деревня“, Москва, 1928 год, цена 1 руб. 50 коп.

Это одна из тех книг, которые должны служить орудием революционирования нашего сельского хозяйства, руководством к его социалистическому переустройству, несмотря на то, что Хаккерт ее автор — чистокровный идеолог капитализма, — имеет только одну основную цель: повысить прибыль сельского хозяйства, вернее даже не сельского хозяйства, взятого в народнохозяйственном значении, а сельского хозяина. Хаккерт считает глубоко ненормальным такое положение вещей, когда земледелие приносит 2—3% на затраченный капитал, в то время как в других отраслях капитал рентируется вдвое — втрое больше. Он считает необходимым превратить земледельческое хозяйство в предприятие, сделать из него фабрику, по образцу и подобию промышленных предприятий. Гвоздь вопроса — в организации массового производства: там, где производство приобретает массовый характер и где притом вырабатываются однородные товары, машина сама собой завоевывает принадлежащее ей место. Массовое производство вполне возможно и в земледельческом предприятии — даже более, чем в промышленности: быт обеспечен, конкуренции почти нет (хотя, с другой стороны, именно отсутствие конкуренции в сельском хозяйстве, по мнению автора, обуславливает его техническое отсталость). Но в земледелии существуют другие специфические препятствия, мешающие его капиталистической рационализации: органические процессы, составляющие основу сельского хозяйства, подверженность стихийным влияниям, прерывистость, сложность и разнообразие работ, сезонность. Все это в совокупности влечет за собой медленный оборот капитала, а следовательно, необходимость очень больших затрат капитала, отсталость и проч. Однако, Хаккерт считает эти препятствия вполне преодолимыми. Вся его книга (наполовину агрономическая, наполовину эконо-

мическая) представляет собой проект организации органического земледельческого производства по образцу механического индустриального, т. е. на началах непрерывности, быстроты оборота, разделения труда, механизации и стандартизации. Стоит отметить, что Хаккерт, проводя повсюду свой боевой предпринимательский оптимизм, категорически отвергает пресловутый „закон“ понижающейся производительности затрат капиталов в сельском хозяйстве. Прежде всего, он выдвигает против этого закона соображение экономического порядка. Если даже падает сбор урожая на единицу дополнительно затраченного труда, то имеются в каждом хозяйстве общие расходы, не зависящие от размеров урожая и доля которых растет с интенсификацией хозяйства. Эти расходы, так же как и в промышленности ложатся, тем меньшей величиной на цену продукта, чем больше масса последнего, экономически парализуя понижение производительности добавочных затрат. Но и агрономическом отношении, по мнению Хаккерта, еще далеко не достигнут предел наилучшего использования солнечных лучей. Даже предполагая неизменяемую технику, достаточно рационализировать самую организацию производства (выбор растений с большей поверхностью листа, уничтожение пара, промачивание семян, орошение, дренаж и проч.), чтобы в огромной степени повысить норму использования солнечной энергии и увеличить производственный эффект. Большое значение имеет также вопрос о наилучших крахмальных эквивалентах, получаемых при одних и тех же производственных расходах. С этой точки зрения бобовые растения, например, в 4—7 раз дееспособнее зерновых хлебов. В дальнейшем исследовании Хаккерт, однако, часто путает натуралистический и рыночный методы, принимая, например, большую выручку под влиянием высоких цен за выражение большей производительности хозяйства. Но это неизбежный продукт частнохозяйственного подхода автора.

Какие же принципы Хаккерт устанавливает для организации фабричного сельскохозяйственного предприятия? Важнейшим условием механизации сельскохозяйственного производства он считает максимум большого числа ступеней, через которые продукт должен пройти внутри самого предприятия. Он ссылается—не совсем правильно—на пример современной индустрии, которая идет путем интегрирования и выключения посреднических звеньев между разными степенями производства. Во-вторых, достаточно крупный размер предприятия—мелкие и средние земледельческие хозяйства—не могут превратиться в фабрики. В соответствии с первым принципом Хаккерт крайне отрицательно относится к идее фабричного производства зерна и вообще таких продуктов, ценность которых обусловлена только их количеством или массой. Облагораживание продукта или его переработка—вот основной принцип фабричного земледелия. Наилучшее приспособление для фабричных целей он считает комбинированное полеводственно-животноводственное хозяйство, рассматривая животных, как своеобразные машины для переработки растительного сырья и как генераторы энергии. Но животноводство должно быть обязательно специализированным: основой фабричного хозяйства может быть производство молодняка, мяса и сала или молока. Шерстное или яичное хозяйство Хаккерт считает нерациональным. С народнохозяйственной точки зрения он считает более целесообразным молочное, чем мясное животноводство (большее количество крахмального эквивалента при одинаковых затратах). Очень интересны замечания Хаккерта о механических и животных двигателях. Он убедительно показывает преимущества механических источников силы как с точки зрения экономии земельной площади, так и с точки зрения издержек. Ссылаясь на пример индустрии,

где энергетические отрасли обслуживают самих себя горючим материалом собственного производства (внутренний оборот продукции наиболее выгоден): он рекомендует в сельском хозяйстве организовать собственное производство горючего для механических двигателей (винокуренные заводы). В заключение автор дает примерную схему организации фабрики детского молока, построенную в соответствии с выдвинутыми им принципами.

Оставляя в стороне агротехническую часть работы Хаккерта, мы остановимся здесь только на экономической стороне дела. Интерес для нас представляет вопрос о том, насколько справедливы соображения Хаккерта, что фабричный способ в земледелии может быть основан только на интенсивных отраслях. Кто знаком с проектами „хлебных фабрик“, которые выдвигались у нас в начале революции и вновь привлекают внимание в настоящее время, тот знает, что индустриализация и механизация нашего государственного земледелия мыслилась, главным образом, на зерновой основе. Согласно Хаккерт, именно зерновое хозяйство меньше всего приспособлено для реконструкции в фабричном стиле. Не все его аргументы можно признать убедительными. Некоторые из них вытекают из частнохозяйственной точки зрения или из недостаточно продуманного экономического анализа. Так, например, он часто аргументирует от рыночных цен: но цена есть элемент производный, зависящий от соотношения отраслей хозяйства. Если бы подавляющая масса хозяйства была преобразована в духе автора, превращена в молочные, мясные, картофельные и проч. фабрики, то мы вынуждены были бы передвинуть обратно часть производительных сил в зерновое хозяйство. Ведь хлебные злаки где-то должны производиться. Хаккерт, повидимому, стоит на той точке зрения, что зерновое хозяйство, как наименее выгодное, можно предоставить земледельческим предприятиям ремесленного типа, подобно тому как крупная промышленность оставляет для мелкого производства задворки индустрии. С другой стороны, он выражает эксплуататорскую точку зрения империалистических стран Европы, которые стремятся возложить снабжение своего населения зерном на отсталые страны, ограждая интенсивный характер своего собственного земледелия. Ни на той, ни на другой точке зрения мы, разумеется, стоять не можем, а потому и выводы Хаккерта могут быть приняты нами с очень большими коррективами. Однако, не подлежит сомнению, что организация „чистых“ зерновых хозяйств действительно нерациональна с точки зрения фабричного типа производства. Повидимому, наиболее выгоден путь комбинированного хозяйства, при чем, разумеется, в разных районах пропорции отраслей должны быть различными.

Объяснение причин отсталости земледелия в условиях капитализма, даваемое Хаккерт, скользит по поверхности. Он видит медленный оборот капитала (хотя по его указанию оборот капитала в таких отраслях промышленности, как кораблестроение, несколько не быстрее), влияние хлебных пошлин (в Германии), но забывает об основном—о рентной „пошлине“, которую приходится платить землеладельцам или владельцам ипотек за право входа на земельный участок.

Громадная ценность книги Хаккерта специально в наших условиях состоит в том, что она наносит сокрушительный удар доморощенным традиционным „теориям“ народнического лагеря, которые возводят в идеал пресловутую „интенсивность“ мелкого земледелия, обладающего, якобы, в этом отношении природными преимуществами перед крупным хозяйством. Особенно усердно за последние годы эксплуатировали в этом направлении труды швейцарского профессора Лаура, в которых хотели

найти „европейское“ подтверждение этой варварской „концепции“. Хаккерт исчерпывающе показывает, что действительная интенсификация хозяйства, дающая максимальный производственный эффект как на единицу площади капитала и труда, так и по абсолютной массе валовой продукции, возможна только на основе крупного массового производства. Несмотря на пронизывающий ее капиталистический дух, книга Хаккерта помогает рассеять затхлую атмосферу доморощенной китайщины Челинцевых и Чайновых и открывает широчайшие перспективы для социалистических методов развития земледелия. Больше того: именно социализм в состоянии разрешить производственные капиталистические идеалы Хаккерта, поскольку они носят прогрессивный характер. Современной европейской буржуазии подобная задача не под силу.

А. С.

О. А. Ерманский. Теория и практика рационализации. Том первый. Госиздат, 1928 г.¹

Вышедшая в настоящем году книга О. А. Ерманского „Теория и практика рационализации“ является дальнейшим развитием его прежней работы „Научная организация труда и система Тэйлора“ (1922 г.).

По своему содержанию настоящая работа значительно богаче предыдущей: она затрагивает ряд таких проблем, которые раньше совершенно отсутствовали или же подвергались лишь беглому рассмотрению. Сюда можно отнести главы о непрерывном потоке, конвейеризации, стандартизации, массовом производстве, рационализации транспорта и т. д.

Книга является как бы сборником ряда самостоятельных очерков, поскольку все ее содержание недостаточно объединено единой методологической установкой.

То, что носит наиболее принципиальный, методологический характер, раскрыто в первой вводной главе под названием: „Основные принципы НОТ“. Такими принципами автор считает: принцип положительного подбора, принцип организационной суммы и принцип оптимума. Первые два принципа, будучи в этой главе однажды зафиксированы, в дальнейшем не получают, однако, теоретического или практического приложения. Степень и характер применимости этих принципов для теории рационализации таким образом в книге не получают должного освещения. Зато на всем ее протяжении постоянно фигурирует принцип оптимума с его принципиальной установкой на противопоставление лучшего — максимальному. Такое противопоставление, верное лишь в определенных случаях, для определенных условий, далеко не обладает той универсальностью, которую автор стремится установить. По ряду показателей, таких, напр., как: количество потенциальных ресурсов, в данный момент реально вовлекаемых в круговорот производственного процесса, количество выпускаемой продукции при высоком уровне качества и т. д., — ориентировка должна быть взята не на оптимум, а на максимум. В этих как и в ряде других случаев оптимум должен тяготеть к максимуму, в нем растворяется и в нем находить свой предел.

Монотонное упоминание — из главы в главу — принципа оптимума читателя отнюдь не обогащает реальным и более глубоким проникновением в содержание рационализаторских методов и путей их практического

приложения в производстве. Показатель оптимальности $m = \frac{R}{E}$ к тому же далеко не всегда обладает достаточным устойчивым содержанием. Его знаменатель E , символизирующий „количество израсходованной энергии, воплощенной во всех факторах производства, машинах, инструментах, использованных в данной работе“, сужается иногда до размера только живого труда работника, затраченного на производство данного „количества полезного результата“ (показатель R). В виду такой двойственности основной критерий оптимальности лишен необходимого качества: устойчивости одного из своих измерителей.

Если принцип оптимума в той трактовке, как он дан автором и неопределен и мало плодотворен, то вторая принципиальная установка автора, относящаяся к соотношению „интенсивности“ и „производительности“ труда, — их, якобы, принципиально несовместимый характер, — не может не встретить определенно отрицательного отношения. Интенсивность труда — показатель далеко не неизменный: в принципе он имеет определенно выраженную тенденцию к росту как в работе индивидуального работника, так и в истории человеческого коллектива в целом. Между тем, для автора уровень интенсивности является как бы физиологической, природной категорией, свободной от деформирующего действия факторов социальных. Правда, в изложении изредка встречаются оговорки о роли упряжности для роста производительности, подчеркивается большая производственная эффективность европейцев и т. д., — но все это не колеблет в общем отрицательного отношения автора к росту интенсивности труда. Установка автора, верная по отношению к странам капитала, теряет свою почву для условий Советского Союза. Упускается из виду объективная важность, суровая необходимость подема среднего уровня интенсивности труда у нас.

Прямолинейное противопоставление приводит автора к таким неудовлетворительным и неприемлемым формулировкам, как следующая: „интенсификация труда — враг рациональной организации“ (стр. 172). Как будто перед всей страной, каждым из ее работников не стоит двойная задача: труд рационализировать, а вместе с тем увеличивать его количество и напряженность.

Тем же источником питаются воззрения автора на процессы нормирования, — и здесь тот же застойный, мало диалектический подход. Размеры норм определяются факторами не только физиологического характера, на их уровень решающее влияние оказывает ведь и вся совокупность технико-организационных моментов производства. В изложении отсутствует, однако, вся эволюция методов нормирования от начальных ее фаз эпохи мануфактуры, ремесла, и еще раньше, — вплоть до современных инженерных расчетов, базирующихся на аналитическом разложении сложнейших производственно-трудовых комплексов. Предубеждение против хронометража, как орудия нормирования, толкает автора на такие опрочетчивые утверждения: „время плохой измеритель рациональности“ (стр. 84).

В книге не освещены такие многообещающие рационализаторские методы, как „утилизация отбросов“, „обогащение сырья“, затронуты контроль и планирование производства, но не разрешена и даже не поставлена во всем объеме проблема планирования рационализации, не раскрыты условия, при которых применение того или иного рационализаторского метода может оказаться эффективным.

Автор признает, что устранение „waste“ — потеря является „центральной проблемой рационализации“. Но об этой проблеме упоминается лишь мельком, не делается попытки дать хотя бы в сжатом виде

¹ Редакция не разделяет отдельных положений, излагаемых автором в настоящей рецензии. Р. о. д.

очерк этого знаменательнейшего движения, так как оно сложилось в Америке. Между тем, эта установка могла бы лечь в основу всего изложения, применительно даже к единичному предпринятию.

Между тем, автор претендует на большое теоретическое и методологическое значение своей работы. В порядке самооценки автор характеризует это значение в следующих словах:

„Методология автора настоящей работы может считаться общепризнанной. Все отзывы и рецензии как русские, так и иностранные о предыдущей книге автора подчеркивают, между прочим, огромное методологическое значение проводимых автором различий между максимумом и оптимумом, между производительностью и интенсивностью“. „Первый том охватывает, прежде всего, принципиальные основы, методологию проблемы рационализации“. „В этом смысле формула оптимума есть формула социализма“ и т. д.

Работа, однако, не оправдывает такой самооценки...

Досадное впечатление производят отдельные научные несообразности, смешение понятий силы и энергии („разное количество энергии придется рабочему тратить на единицу полезной работы при разных длинах радиуса вращения“, последний впрочем смешивается с длиной рукоятки) и ряд других неточностей.

Особенным ляпусом является у автора смешение земного магнетизма с мировым притяжением. „Для перемещения предметов сверху вниз, — утверждает автор, — в нашем распоряжении имеется даровая сила земного магнетизма — притяжения земли“. Говоря о внутреннем транспорте, автор задается вопросом: „нельзя ли все или почти все это зло возложить на могучие плечи земного магнетизма?“

В книге имеется установка подойти к вопросам рационализации с классовым, марксистским анализом. Но этот подход носит скорее общедекларативный характер. Утверждения такого рода: „...на родные обычаи в населении, жившем весьма раздробленно, без современных способов общения и сообщения, привели к большому разнообразию местных мер (в роде локтей, футов и проч.)“, — навряд ли подводят к раскрытию классовых моментов в таком чрезвычайно важном, мирового масштаба явлении, как стандартизация. А между тем, в данном случае умышленный классовый анализ представлял бы определенный социологический интерес.

Там, где автор популяризирует Маркса, напр., теорию трудовой стоимости, изложение далеко не всегда получается точным и ярким, и навряд ли Маркс согласился бы с таким утверждением: „Исходным пунктом этого определения у Маркса является предположение о неизменности интенсивности труда“.

Практика рационализации, как она протекает в Америке, изложена на основании работ Форда. Эти главы написаны живо, популярно. Хорошие иллюстрации в приложении облегчают понимание текста. Много рационализаторских моментов из советской практики изложено на основании текущей журнальной и в особенности газетной литературы.

Книга могла бы несколько выиграть в своей стройности от некоторой перегруппировки материала: главу седьмую об общих методах рационализации следовало отнести к основным вопросам НОТ (глава первая). Сюда же мог быть включен и раздел, относящийся к принципу „цепной связи“ (глава 10, пункт 2). Принцип этот, получивший столь обширное применение в нашей плановой и рационализаторской практике под техническим термином „узких мест“, „лимитирующих факторов“, лишь бегом затронут, а между тем, он мог бы лечь в основу изложения всей методологии планирования и осуществления рационализации.

Стиль книги в отдельных местах несколько неряшливый. Встречаются такие формулировки: „Организованный в конце войны комитет по стандартизации представляет собой частную организацию промышленности и технических кругов, не обладает и властью никакой“ (стр. 303). „Впоследствии эту разницу почувствует и всякий рядовой рабочий“ (стр. 147). Встречается и такой вольный перевод: „Но как известно и самая красивая девушка в мире не может представить собой больше того, что она есть“ (стр. 113).

В общем книга представляет собой слишком большую по своему объему, — сравнительно с ее содержанием — работу, являющуюся популяризацей, иногда очень удачной, отдельных рационализаторских моментов, не объединенных единством замысла, и в важнейших своих методологических установках не всегда плодотворной, а в отдельных случаях даже неприемлемой.

Издана книга хорошо.

И. К.

Проф. В. П. Семенов-Тяньшанский. Район и страна. ГИЗ. 1928 г. Стр. 311, цена 5 руб.

Содержание книги значительно шире, чем это можно было бы заключить из заглавия. Это — энциклопедия географии, обнимающая собою все ее отделы — от математической географии до экономической и политической — и посвященная общим методологическим вопросам так же, как и вышедшая в прошлом году в Германии работа Геттнера „География, ее история, сущность и методы“.

По строю своих воззрений на географию наш ученый во всем основном согласен с Геттнером, являясь, как и он, сторонником единства географии, понимая ее, как науку хорологическую и ставя ей задачи универсального и интегрального страноведения. Из более заметных принципиальных расхождений стоит отметить, как более существенное, то, что Геттнер настойчиво отмежевывается от антропоцентризма и географии, а проф. Семенов-Тяньшанский прямо называет географию антропоцентрической наукой. Главная разница между этими работами, однако, не в принципиальных расхождениях, а в построении и типе изложения. В противоположность Геттнеру, ограничивающемуся формально-методологическими моментами и выдерживающему в изложении строжайшую „немецкую“ систематичность, наш ученый мало заботится о внешней систематичности, но зато на всем протяжении книги старается возможно полнее ознакомить читателя с тем, что он называет географическими законами, включая сюда и разного рода обобщения по аналогии. Уступая работе Геттнера по систематичности и всесторонности охвата методологических вопросов, работа проф. В. П. Семенова-Тяньшанского по содержательности стоит, пожалуй, выше, чему способствует и строго конспективный тип изложения. В отличие от Геттнера, разбивающего изложение по отдельным методологическим проблемам, из которых каждая охватывает все отделы географии, в книге нашего автора имеются и главы, посвященные специально тому или другому отделу, при чем больше внимания автором уделено именно географии человека; эти главы являются в его работе наиболее интересными. Географию экономическую и политическую он объединяет в общем понятии „географического синтеза“, задачи которого формулирует в следующих выражениях: „географический синтез есть сложение пространственных взаимоотношений основных оболочек земли и производных солнечного света и теплоты и помножение их на потенциальную и кинетическую энергию человека, т. е. научное

задание, имеющее мало себе равных по сложности и трудности". Перечисляя конкретные задачи экономической географии, которую автор определяет, как географию производительных сил, конечной ее целью он считает „синтетическую экономико-географическую характеристику местностей по совокупности всех этих признаков в связи с естественным географическим пейзажем и типами человеческих хозяйств в нем“.

По широте географической концепции и богатству мыслей книга едва ли имеет себе что-либо равное в нашей географической литературе; ее с интересом и пользой прочтет не только каждый географ, но и вообще каждый образованный человек, который захочет ознакомиться с сущностью географии, как науки. Следует желать скорейшего выхода дальнейших томов работы, согласно авторскому предисловию уже готовых к печати.

Н. Баранский

Наш Союз. К. Бялецкий, С. Кривцов, Э. Кольман, М. Подемкин, И. Хибарин, Я. Яковлев. Под ред. С. С. Кривцова. 1) Ленинградская область и Карельская АССР, 1928 г., 133 стр., ц. 60 к. 2) Северо-Восточный район, 1928 г., 112 стр., ц. 4 р. 55 к. 3) Крым, 1928 г. 112 стр., ц. 4 р. 60 к. Изд. „Московский Рабочий“.

Рецензируемые книги представляют первые выпуски серии экономико-географических очерков, носящей общее название „Наш Союз“.

Предпринятое „Московским Рабочим“ издание прибавляет четвертую серию к числу тех трех аналогичных серий, которые выпускаются другими издательствами. При наличии столь обильно возросшей районной литературы естественно возникает прежде всего вопрос, на какие новые читательские круги рассчитана или может рассчитываться новая серия, оправдывается ли, иначе говоря, появление ее в свет.

Сравнение вышедших очерков всех четырех серий) 1) серия Вольфа и Мебуса, 2) „Планового Хозяйства“, 3) „Социалистического Хозяйства“, 4) „Московского Рабочего“, показывает, что новая серия, поскольку об этом можно судить по трем опубликованным уже очерками, не отличается от трех остальных серий настолько значительно, чтобы можно было рассчитывать на какие-нибудь новые читательские круги. Правда, рецензируемые очерки имеют несколько меньший, чем в других сериях, размер, и они несколько доступнее по цене, а также по популярности изложения, но при всем этом каждый читатель, способный прочесть какую-либо книгу из рассматриваемой серии, сможет также без особых затруднений прочесть любую книгу из других районных серий.

Что касается внутренней структуры и программы, по которой составлены очерки „Наш Союз“, то в этом отношении если они и отличаются от ранее вышедших серий, то скорее в худшую сторону, особенно в сравнении с последними выпусками серии „Планового Хозяйства“.

Прежде всего, обращает на себя внимание чрезмерное, мы бы сказали, единообразие, грубая трафаретность в расположении материала и во всем построении очерков.

Очерк, напр., по Крыму имеет ту же структуру и те же самые заголовки разделов, что и очерки по Ленинградской или Северо-Восточной области. Содержание очерка по Ленинградской области укладывается в такие разделы: гл. I. Области в прошлом и настоящем; гл. II. Производительные силы; 1) население; 2) энергетические источники; гл. III. Сельское хозяйство; гл. IV. Охота и рыболовство; гл. V. Лесное хозяйство;

гл. VI. Минеральные богатства; гл. VII. Фабрично-заводская промышленность; гл. VIII. Кустарная промышленность; гл. IX. Культура; гл. X. Социалистическое строительство; гл. XI. Административное деление.

Некоторые имеющие место вариации в названиях глав и в порядке их расположения в разных очерках свидетельствуют, как в этом можно убедиться, о наличии случайности и непродуманности в этом деле.

Так, напр., в очерке по Ленинградской области выделена особая глава для лесного хозяйства, между тем как по Северо-Восточной области, где лес играет еще большую роль в местной экономике, соответствующей главы не выделено.

Точно также для Северо-Восточного района авторы сочли нужным выделить особую главу „Минеральные богатства“, а для Крыма, где таковых богатств не меньше чем в Северо-Восточном районе, соответствующей главы почему-то не имеется.

Нельзя сказать, чтобы в расположении материала авторы исходили из продуманной, систематизированной программы. Так, та же, упоминавшаяся глава о минеральных богатствах в очерке по Ленинградской области помещена перед промышленностью, после главы „Лесное хозяйство“, между тем как в другом очерке (Сев.-Вост. район) эта же глава отнесена в конец, после обрабатывающей промышленности.

Все это, конечно, мелкие формальные недостатки, но вот, напр., мы имеем здесь же такой случай, когда формальные недочеты непосредственно выражаются в искажении некоторых весьма важных понятий: во всех трех очерках авторы „систематически“ выделяют главу под названием „Производительные силы“, во всех случаях включая в нее два подразделения: 1) население и 2) энергетические ресурсы. Возможно, что сами авторы имеют правильное понятие о производительных силах, но зачем вводить в заблуждение читателя, которому систематически вдалбливается в голову, что производительные силы исчерпываются населением и энергетическими ресурсами.

В каждом очерке авторы занимаются упражнениями по исчислению энергетики, в результате чего все виды „производительных сил“ (в том понимании, которое придают им авторы), т.е. люди, скот, уголь, вода, дрова, и т. д., приводятся к одному знаменателю единице механической силы и подсчитываются в общей сумме. Трудно сказать, каков экономический смысл такой механической арифметики.

Но под большое сомнение приходится ставить ценность суждений, высказываемых авторами по поводу интенсификации сельского хозяйства. Так, на стр. 54 очерка по Северо-Восточному району дается следующий прогноз о судьбе этого района в связи с интенсификацией его сельского хозяйства:

„Северо-Восточный край испокон века жил и в настоящее время живет на привозном хлебе, от которого освободить его в будущем сможет только интенсификация хозяйства“. И далее, через несколько страниц мы читаем: „Перестройка и интенсификация сельского хозяйства не только могут превратить Северо-Восточный район в самую влиятельную область в смысле удовлетворения всех его хлебофуражных потребностей, но даже позволят значительную часть товарных излишков хлеба, льна, масла направить через Архангельск в zahraniчный экспорт“ (стр. 62). Насчет льна и масла мы не спорим, но что касается хлебных излишков, то едва ли можно согласиться с авторами, что интенсификация приведет здесь обязательно к увеличению хлебной продукции. Не верно также положение, что интенсификация сельского хозяйства вообще должна привести район к состоянию самоудовлетворения. Да и вообще полагать, что самодовлеющее положение экономического района есть благо, а про-

типоволожное—зло, значит внушать читателю крайне неправильное представление о тенденциях хозяйственного развития вообще и о задачах экономической политики в частности.

Не всегда благополучно обстоит дело и в стилистическом отношении, что можно усмотреть хотя бы из цитированных выше мест.

Или взять, например, такое выражение: „Ленинград представляет первую крупную попытку в этом роде в СССР“ (стр. 38; имеется в виду попытка теплофикации. Н. М.).

При указанных дефектах структурного и стилистического характера рецензируемые книги обладают, однако, одним положительным качеством: изложение не загромождено здесь статистической трухой и конъюнктурными справками, цифровые данные приводятся лишь в самых минимальных дозах, так что читаются они легко. Но это достоинство все же не может компенсировать недостатков рецензируемого издания.

Н. Морозов

Среднее Поволжье. Ежемесячный планово-экономический журнал. №№ 1 и 2, изд. Самарской губернской плановой комиссии и № 3—Средне-Волжской областной плановой комиссии, за июнь, июль и август 1928 г. Тираж 1.000 экз., размер 10 печ. листов. Цена 1 руб. 25 коп.

Журнал „Среднее Поволжье“ выходит взамен „Вестника Среднего Поволжья“, прекратившегося изданием еще в 1927 г. Возобновление издания связано с организацией Средне-Волжской области.

Правильно указывает тов. Нейбах в статье „К областному районированию“ (№ 1), что необходимость издания журнала вполне назрела. „Журнал поможет не только выявить все точки зрения на ряд вопросов, связанных с районированием и методами его практического проведения, но и явится, вместе с тем, организующим центром всей предстоящей сложной работы по областному районированию“.

В отличие от „Вестника Среднего Поволжья“ журнал, в соответствии со всей целевой установкой, является областным журналом, в то время как первый был в основном самарским журналом. Тем не менее, вопросы хозяйства Самарской губернии занимают в журнале значительное место, в то время как хозяйство других губерний, входящих в область, пока еще почти не имеет в нем специального освещения, особенно в первых двух номерах. Третий номер журнала не вносит существенных изменений в этом отношении, хотя и несколько ближе подходит к освещению отдельных вопросов народного хозяйства и культурного строительства губерний. Программа журнала в основном также мало изменилась с переходом его в орган Облплановой комиссии. Как и в первых номерах, журнал ставит своей задачей „стать той лабораторией, в которой путем широкой гласности, разностороннего обсуждения и обмена взаимным опытом намечаются, познаются и оформляются все программы и план хозяйственного развития области“. Вместе с тем, третий номер показывает большую организованность материала и большую четкость в понимании проблем областного хозяйства, чем в первых номерах.

Первые два номера, отражая первый период организации области, уделяют много внимания общим вопросам областного районирования.

К. Шатов в статье „Средне-Волжская область“ констатирует, что Средне-Волжский край отличается „редким для столь обширного пространства единообразием природных своих особенностей“. По своей территории и численности населения Средне-Волжская область будет превышать соседние Нижне-Волжскую область и Вятско-Ветлужский

край, представляя крупную территориальную единицу. Климатические и почвенные условия благоприятствуют развитию зернового хозяйства и, в первую очередь, разведению пшеницы. В развитии высокоотарного хозяйства, экспортирующего в другие районы СССР и за границу пшеницу и другие зерновые продукты, автор видит основное назначение организации области. Крупный хозяйственный организм, каким будет являться область, обладая большими средствами, развитием транспорта в части связи с центральной частью СССР и Средней Азией, при наличии перспектив осуществления Волго-Донского канала, несомненно, с этой задачей справится. Автор указывает на Самарскую и Оренбургскую губернии, которые имеют наиболее широкие перспективы в области расширения посевов и введения коллективных форм хозяйствования. Большое значение автор также придает водной энергии — проекту Волгостроя.

Несколько более четко, чем в статье К. Шатова, пути развития области очерчиваются в статье „К I съезду советов области“ (№ 3). Она характеризует область четырьмя признаками: пшеница — рожь — мясо — и лес; рожь и лес для западной лесостепной части, пшеница и мясной скот для восточной степной части. Восстановление (тяговый скот недоставлен на 18%, а посевная площадь на 13%) и реконструкцию народного хозяйства области статья видит, во-первых, в зерновой экспансии в Степном Заволжье, в захвате новых площадей под твердую пшеницу. Этот процесс должен сопровождаться изменением организации степного хозяйства, придачей ему животноводческого уклона с посевами трав, пропашным клином, т.е. придачей сельскому хозяйству более устойчивого характера. Во-вторых, для западной лесостепной части стоит задача — борьба с трехпольной за многополье и трудоемкое интенсивное хозяйство. Здесь основной проблемой является индустриализация всего сельского хозяйства: организация картофелеперерабатывающих, винокуренных, картофеле-паточных заводов для переработки картофеля, организации широкой сети заводов по переработке животноводческих продуктов с рынком сбыта в центральной части СССР.

Отдельное место в рецензируемых номерах отведено характеристике топливных возможностей горючих сланцев — мощного энергетического элемента, распространенного в области.

Им в первом номере посвящены две статьи. В одной — Б. М. Медведева, „Горючие сланцы Самарской губернии“, автор дает характеристику месторождений сланца и их запасов, равных, по его исчислениям, запасам подмосковного угля; в другой — В. А. Зеланда, „Результаты опытов по сжиганию сланцев“, дан обзор достижений науки в области сжигания сланцев у нас и за границей.

Разумеется, наличие собственной энергетической базы на территории Среднего Поволжья открывает широкие перспективы развития промышленности области, а вместе с тем, и подьему всего ее народного хозяйства.

О кардинальном вопросе, стоящем перед районированной областью говорит С. в статье „Окружное районирование Средне-Волжской области“ (№ 1). Автор знакомит читателя с теми предположениями, которые имелись ранее и теперь имеются по окружному районированию губерний, входящих в Средне-Волжскую область. При этом автор указывает, что подготовительные работы по районированию области начались еще в 1923 г. и накопился большой материал для решения на научной основе вопросов окружного районирования области. К сожалению, автор совершенно не знакомит читателя с теми „научными основаниями“, на которых построены приведенные им предположения окружного деления, благодаря чему статья носит примитивно-информационный характер.

Такого же характера статья помещена в № 3 в разделе „Районирование“ за подписью В. Ф. „Состав и границы, области“, дающая только перечисление границ области, округов и входящих в них районов, но не представляющая никакого обоснования такого районирования.

Из статей, освещающих вопросы сельского хозяйства, следует отметить статью Д. А. Бомбина „Затраты труда в полеводстве“ (№ 3), заслуживающую большого внимания. Автор приводит результаты хронометражных наблюдений экономического отдела Безенчукской опытной станции: 1) за организацией рабочего дня, 2) влиянием расстояния усадьбы от пашни на сельскохозяйственное производство, 3) значения орудий производства в различных типах сельскохозяйственного производства. Под наблюдение взяты: хозяйство Безенчукской опытной станции, совхоз сельскохозяйственного треста „Красный Пахарь“ и два крестьянских хозяйства — хуторское и общинное. Результаты наблюдений с полной отчетливостью показывают невыгодность крестьянского хозяйства по сравнению с совхозским и особенно невыгодность общинного крестьянского хозяйства. Недостатком статьи является отсутствие указаний на хозяйственный уровень взятых под наблюдение крестьянских хозяйств, что значительно затуманивает результаты наблюдений, хотя полученные результаты и весьма интересны.

Статья Г. В. Спектора в том же номере дает характеристику состояния землепользования и земледелия области.

Б. Кабанов в статье „Повышение урожайности и создание устойчивости урожаев“ (№ 2) приводит результаты математической обработки ряда урожайных данных по Ульяновской губернии за период 1910—1926 гг. по основным культурам — ржи, пшенице, овсу, просу и картофелю. Автор устанавливает, что наиболее урожайным и устойчивым является картофель. Из зерновых же культур — озимая рожь. Отмечая общий пониженный уровень урожаев Ульяновской губернии по сравнению со средними по СССР, автор указывает на возможность их поднятия.

Значительный интерес представляет статья Г. Котова „К вопросу о расслоении Самарской губернии“ (№ 1), помещенная редакцией в дискуссионном порядке. Автор ставит своей задачей „проследить фактическое состояние расслоенности крестьянства и динамику этого расслоения за последнее время. Выявляя динамику отдельных социальных групп крестьянских хозяйств (группируя их по посеву) и их удельный вес в экономике земледелия губернии, Г. Котов знакомит с результатами разработки им данных об обследовании в 1927 г. единоличных хозяйств, с группированных по стоимости средств производства. По этой группировке число бедняцких хозяйств (до 100 руб.) составляет 12,7%, маломощных (от 101—300 руб.) — 24,7%, средних (от 301 до 700 руб.) — 38,5%, переходных от средних к зажиточным (от 701—1.400 руб.) — 18,6% и зажиточных (1.401 и более) — 5,3%. Автор при этом устанавливает высокую концентрацию сельскохозяйственного инвентаря по его стоимости в зажиточных хозяйствах (IV группа — 38,8% и V группа — 30,0%) итого 60,8%).

Статья в общем дает интересный материал и заслуживает большого внимания. Существенным недостатком ее является то, что автор не приводит методов определения произведенных им группировок. Благодаря этому ряд положений, высказанных автором, остается недоказанным, а критика его выводных таблиц крайне затрудняется.

Интересна статья В. В. Семушкина „Вопросы крестьянского хозяйства Самарского края“ (№ 3), помещенная также в дискуссионном порядке. Автор ставит в этой статье, основанной на материалах динамической переписи 1924 г., вопрос о дробности крестьянских хозяйств

и об их группировке. Автор относит к бедноте хозяйство с посевами до 9 гектаров и насчитывает таких хозяйств 72,5% (редакция с такой группировкой не соглашается и специально это оговаривает), 21,8% к середнякам и лишь 5,7% к зажиточным, обладающим более чем 21 га посева.

Характеристику состояния промышленности области дает Я. М. Раскин в статье „Промышленность Средне-Волжской области“ (№ 3).

Пользуясь данными 1926/27 г. автор подробно характеризует географию промышленности области по губерниям, по отдельным отраслям, дает освещение социальных форм промышленности и восстановленности ее по Самарской и Пензенской губерниям. Отдельно автор останавливается на характеристике мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, в которой по переписи 1926 г. занято 172.349 человек.

Из вопросов культурного строительства можно отметить статью С. В. Сохацкого и Г. А. Студенского „Научная работа вуза и практика планового строительства в области“ (№ 2), — где авторы ставят вопрос об увязке работы Самарского сельскохозяйственного института с социалистическим строительством края.

Заслуживает внимания статья А. О. Бельского „Культурная революция, индустриализация и проблема здравоохранения“, где автор намечает необходимые мероприятия в области здравоохранения в связи с хозяйственным строительством района.

Вопросам же народного образования посвящены статьи: Я. И. Чаплыгина и Н. А. Скворцова „Реконструкция местного аппарата ОНО в связи с районированием“ и Д. Ф. Богданова „Начальное образование и перспективы его развития в Средне-Волжской области“.

Из отдельных обзоров следует указать статью В. И. Федорова „Средняя Волага“ (№ 2). Статья представляет собой экономико-географический обзор Средне-Волжской области. Автор устанавливает удельный вес области в народном хозяйстве РСФСР и дает целый ряд справочных данных. При этом В. Федоров дает разновременные данные по различным элементам. Так, посевы взяты по данным 1926 г., а скот по данным 1925 г., данные о промышленности за 1925/26 г., а бюджет за 1927/28 г. и даны даже контрольные цифры на 1928/29 г. Кроме того, сообщая сведения за определенный год, автор не дает представления о динамике народного хозяйства области. Таким образом, ценность справочного материала статьи крайне условна.

О важнейшем в настоящий момент вопросе с точки зрения союзного хозяйства — о контрактации посевов — дает сведения заметка М. Ч. (№ 1). По приведенным автором данным общий план контрактации в Самарской губернии выполнен на 100,03%. Однако, по отдельным культурам выполнение плана неодинаково. По главной культуре — пшенице, процент выполнения 106%, по подсолнуху — 99%, а по другим — значительно ниже из-за недостатка семян.

Нельзя также пройти мимо конъюнктурных обзоров, публикуемых в отделе „Динамика народного хозяйства“. В № 1 дан интересный обзор Н. Советова за 9 месяцев 1927/28 г. Автор в этом обзоре представляет данные не только о динамике народного хозяйства области за эти 9 месяцев, но и сопоставляет их с запрокированными Конъюнктурным Бюро контрольными цифрами на 1927/28 г.

В заключение мы хотели бы остановиться на общей оценке журнала на основе освещенного материала.

Период организации области, в который и появился журнал, несомненно, должен был отразиться на нем. Отсюда обилие общих областных вопросов и мало глубоко проработанных конкретных проблем. Большим

достоинством журнала является трактовка как общих, так и частных вопросов областного, а подчас и губернского (самарского) хозяйства, с точки зрения союзного народного хозяйства и решений партии. Но часто эта положительная черта, благодаря несоразмерной количественной дозе, дает отрицательный результат, превращаясь в разговоры „вообще“. Этому способствует и некоторое многословие в ряде статей, отмеченное еще в „Вестнике Среднего Поволжья“. На эту сторону дела следует обратить особое внимание редакции. Третий номер уже показывает некоторые улучшения в этом отношении, но этого недостаточно.

Необходимо также подчеркнуть недостаточное привлечение к работе в журнале местных работников. Освещение хозяйства входящих в область губерний, как частей области, должно являться неотложной задачей журнала. Кроме того, от общих вопросов областного хозяйства журналу, на наш взгляд, необходимо перейти к освещению конкретных проблем областного и окружного хозяйства, глубоко проработанных и насыщенных значительным материалом.

В целом журнал представляет значительный интерес и выгодно отличается от ранее издававшегося „Вестника Среднего Поволжья“.

С. Славин

Г. Александров. Капитализм и колониальная политика. „Московский рабочий“, 1928 г., стр. 152, цена 1 р. 50 к.

Значительное количество монографий, конкретно описывающих монополистические тенденции и монополистическую сущность современного послевоенного капитализма (работы о Стиннесе, о других германских кондернах, о европейских и мировых трестах и картелях) дают объяснение и описание только той стороны империализма, которая относится к монополистической тенденции, к тенденции концентрации и централизации. Работа Гобсона по экспорту капитала и другие работы (в частности, исследование проф. Спектатора) дают освещение другого составляющего элемента империализма — вывоз капитала. Наконец, монографии, дающие социально-экономический очерк отдельных колониальных стран, также содействуют правильному пониманию современного империализма. Рецензируемая работа имеет своей целью осветить сущность колониальной политики при империализме.¹

Тов. Александров, прежде всего, ставит себе целью определить: что является объектом колониальной политики? Какова хозяйственная структура стран и областей, на которые распространяются хищные колониальные аппетиты торговой, промышленной и банковской буржуазии? Ответ на этот вопрос таков: „объектом колониальной политики служат некапиталистические слои населения, основным источником существования которых являются: земледелие, скотоводство и добывающая промышленность“. Сюда же он относит „аграрные области и страны, в которых огромная часть населения еще тесно связана со средствами производства и живет замкнутой патриархальной жизнью“ (стр. 4—5, курсив автора). На наш взгляд, ответ этот является недостаточным, поскольку вопрос поставлен о колониальных устремлениях не только торговой и промышленной, но и банковской буржуазии. Мы знаем, как в свое время Ленин раскритиковал Каутского за его определение империализма. Каутский писал: „Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит

в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все больше аграрные (курсив Каутского) области без отношения к тому, какими нациями они населены“ (цитировано у Ленина, „Империализм“, стр. 93). Ленин, критикуя это определение, отвечает на него следующим образом: „Для империализма характерно как раз стремление к аннексированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты на счет Бельгии, французские на счет Лотарингии)...“.

Поэтому нам кажется, что определение тов. Александровым цели колониальных устремлений современного капитализма неточно. На известной стадии развития капитализма стремление овладеть аграрным дополнением безусловно является характерным, но не для империализма. Потому что „для империализма характерен как раз не промышленный, а финансовый капитал“ (Ленин, „Империализм“, стр. 94).

Описывая методы получения добавочной прибыли как в процессе обмена, так и при помощи организации капиталистического производства в колониальных странах, тов. Александров приходит к выводу, что „часть труда технически развитых капиталистических стран обладает в пределах этих отсталых аграрно-хозяйственных территорий умноженной покупательной силой“ (стр. 9, курсив автора).

Методы получения добавочной прибыли при помощи производства в колониальных странах более сложны. Главным фактором, влияющим на развитие капиталистического производства в колониальных странах, является экспорт капитала из метрополий; организуются капиталистические предприятия, проводятся жел. дороги, открываются банки и т. д. Выгоды от вложения капиталов в технически отсталых странах чрезвычайно большие: дешевое сырье, дешевая рабочая сила, низкая земельная рента, так как товар не ввозится, а посею не облагается пошлиной, — все это создает чрезвычайно благоприятную обстановку для получения сверхприбыли. Итак, эксплуатация некапиталистических слоев населения происходит как в процессе обмена, так и при помощи организации капиталистического производства в колониальных странах. И в том и в другом случае происходит „перелив неоплаченных масс труда в капиталистическую систему“ (стр. 12, курсив автора).

Автор далее дает правильную схему развития взаимоотношений между империализмом и колониями, но не подчеркивает специфических особенностей колониальных устремлений капиталистической верхушки при империализме. Автор говорит: „Колониальные стремления вырастают на основе общей материальной заинтересованности различных групп буржуазии стран и самого государства в установлении экономических связей с некапиталистическими областями и закреплении этих связей путем насильственного политического подчинения данной области“ (стр. 23—24; курсив автора).

Это определение недостаточно, потому что оно не выражает сущности финансовой олигархии, „монополистической группы“ юнты, как называет ее Гобсон в „Империализме“.

Как действует капитал в колониях? На этот вопрос отвечает вторая глава. Торговый капитал хищнически использует некапиталистическую среду. Но экспортировать производственные отношения капитализма тоже нельзя; их нужно организовать на месте. А как организовать капиталистический способ производства, как создать достаточные резервы наемного труда? В этом отношении имеется достаточный

¹ Книга, по нашему мнению, имеет неправильный заголовок — „Капитализм и колониальная политика“. Правильнее было бы — „Империализм и колониальная политика“.

опыт у капитализма английского, русского и т. д. Лишение средств производства, земли, скота — вот обычные методы превращения независимого собственника в продавца рабочей силы. Огромное количество примеров приводится тов. Александровым из практики капитала в Южной Америке, Африке и Индии. Как плодотворны были эти методы „очистки“ земли от собственников, видно из того, что „сравнительно недавно правительство Соед. Штатов поторопилось заказать одному художнику снять фотографии и вылить бюсты с последних наиболее типичных представителей, когда-то многомиллионного племени, чтобы в будущем человечество сохранило хотя бы какое-нибудь представление о целой расе, стертой с лица земли под натиском белого человека“. Не малое значение среди мероприятий по „очистке“ земли от населения по принуждению населения к наемному труду имеет налоговый пресс. Уже Гобсон в своей книге „Империализм“ дал ряд красочных примеров того, как использовали налоговый пресс поработители, чтобы добиться необходимого обнищания туземного населения, которое после этого вынуждено продавать свою рабочую силу.

Но и в наши дни положение не намного изменилось. Достаточно привести один пример из рецензируемой книжки. Вот что заявил один из английских колонистов в 1924 г. в специальной комиссии об условиях труда туземного населения: „По моему мнению единственный способ увеличения предложения труда — это повышение стоимости жизни туземцев путем дополнительного обложения их налогами. Точно также, если бы достаточно сильно уменьшить размеры предоставленных туземцам земельных участков, оказалось бы достаточное количество туземцев, которым нужно было бы итти наниматься на работу, чтобы прожить“ (стр. 48). И так, мы видим, что методы принуждения населения к наемному труду не намного изменились по сравнению с тем, о чем рассказывал Гобсон в своей книжке, и даже по сравнению с тем, о чем писал Маркс в I томе „Капитала“, в 25 главе.

В третьей главе дается краткий исторический очерк колониальных захватов, раздела и передела мира. Однако, и здесь автором недостаточно подчеркнута роль колоний в эпоху империализма. Автор пишет: „Таким образом, широкая капиталистическая индустриализация в ряде европейских и внеевропейских стран вызвала изменение прежних условий на мировом рынке сбыта и снабжения и обусловила резкое усиление политики колониальных захватов“ (стр. 98). И здесь автор не подчеркнул того, что современные колониальные захваты обусловлены монополистической сущностью капитала, идут на пользу немногочисленной группе. А ведь это именно подчеркивал Ленин, когда писал: „Спасение в монополии — говорили капиталисты, основывая картели, синдикаты, тресты. Спасение в монополии — вторили политические вожди буржуазии, торопясь захватить еще неподделенные части мира...“. Это сопоставление говорит о том, что именно монополии надо приписать стремление к разделу и переделу мира.

Автор же стремление к переделу мира обосновывает иначе. Он пишет: „Несоответствие между изменяющейся экономической мощью капиталистических держав и неравномерностью распределения колониальных владений рано или поздно находит свое разрешение в форме прямых военных столкновений“ (стр. 102, курсив тов. Александрова).

Четвертая глава, которая посвящена, главным образом, объяснению положения в колониях теперь, слишком свидетельствует о желании автора „объять необъятное“. Решительно все страны фигурируют в этой главе: и Китай, и Япония, и Турция, и Сирия, и Марокко, и т. д., и т. д.

Ясно, что в погоне за количеством, автор потерял качество. Достаточно выпуклого, краткого социально-экономического анализа хотя бы по двум — трем колониальным странам мы не имеем. Печать спешки явственно видна, в особенности на той главе, где Никарагуа отнесен почему-то к восточным странам (стр. 144).

Тов. Александров совершенно не уделил внимания вопросу о методах подкупа верхушки рабочего класса в метрополии и о так называемых теориях империализма, поддерживающих господствующие классы в их империалистических тенденциях. Между тем, нет никакого сомнения в том, что такие „глубокие идеи, как идея лорда Розбери и сэра Лотье до сих пор имеют обращение не только в высших кругах империалистической буржуазии Англии, но и среди верхушки рабочего класса, среди предательской реформистской его части. А идеи эти следующие: „Англия — величайшее мировое агентство добра, которое когда-либо видел свет“ (эта идея принадлежит Розбери); „Британская Индия — это блестящая галерея свободных государств“ (эта идея принадлежит сэру Лотье и высказана им в 1902 году). (Обе цитаты взяты из Гобсона.)

Возможность подкупа верхушки рабочего класса представляется уже тем, что военную службу в колониях несут туземцы; поэтому более или менее широкие массы рабочего класса Англии несколько в стороне стоят от милитаризма; вместе с тем, они имеют возможность выполнять высоко квалифицированную работу, так как менее квалифицированную работу выполняют туземцы. Отсюда и более высокая заработная плата для рабочего класса метрополии; отсюда и теория о социально продуктивной расе.

Вместе с тем, не показан также тов. Александровым империалистический паразитизм, который имеет большое значение для крушения империализма; не дано разоблачение псевдонауки в империалистических странах, которые поддерживают всякие малообоснованные теории на счет „социально продуктивных рас“ и т. п. Также ничего не сказано об отношении реформистов к колониальному вопросу.

Наконец, необходимо отметить, что и в техническом отношении имеются некоторые дефекты, которые требуют исправлений. Так, на 152 странице текста дано такое оглавление: 1) движущие силы колониальной политики; 2) как капитал действует в колониях; 3) раздел и передел мира; 4) в борьбе за освобождение. Вместе с тем, почти не даны указания к тому, откуда взяты многочисленные цитаты (около 4 десятков). Между тем, тов. Александров, например, пишет на стр. 42: „Автор, на которого мы уже неоднократно ссылались;“ но сноски нигде нет, нигде нет указания на то, кто же именно этот автор, на которого ссылается так часто тов. Александров. С другой стороны, приводится цитата из Гобсона (на стр. 36 из книжки Гобсона „Империализм“, стр. 202) и никакого указания на это не делается, на стр. 117 приводится цитата из Ленина, не указано откуда.

Если исходить из того, что книжка тов. Александрова имела своей целью популяризацию более или менее известных положений Ленина, Розы Люксембург, Бухарина, Павловича, Гобсона и других, то и в этом случае указания на то, откуда заимствуются цитаты, все-таки необходимы.

Впрочем судить о том, является ли книжка популярным произведением, назначенным для чтения более широких кругов, тоже нельзя хотя бы потому, что в книжке этой имеется в выноске объяснение одного лишь слова (таможенная пошлина). Вряд ли этого достаточно для того, чтобы предназначить книжку для широких читательских кругов.

Все же по исправлению тех недочетов, которые отмечены нами, можно считать, что книжка эта в целом сослужит полезную службу, в особенности, если принять во внимание, что борьба по линии антиимпериалистического фронта чрезвычайно актуальна и что всякая книжка, популяризирующая положение колоний, имеет некоторую ценность. Книга могла бы быть рассчитана на читателя со „средними“ познаниями, так как без некоторого минимума знаний по политэкономии ее читать нельзя.

М. Турвич

Imperialism and Civilization by Leonard Woolf. Published by L. and Y. Woolf. London, 1928 p. p. 135.

Л. Вульф. Империализм и цивилизация. Лондон, 1928 г., стр. 135.

Рецензируемая книга имеет чрезвычайно ценное предисловие.

С 1870 по 1900 гг. Европа пережила революцию внутреннюю и внешнюю. Европейская цивилизация феодализма, монархии и аристократии, привилегий, дилижансов, лошадиной тяги и свечей ушла в прошлое. Она была разрушена безумством королей и глупостью аристократии, французской и промышленной революцией. На смену старой пришла новая западная цивилизация демократизма, всеобщего избирательного права, фабрик и машин, железных дорог и автомобилей, аэропланов, телеграфа, телефона и электрического освещения. Эти перемены коренным образом изменили отношение Европы к остальному миру. Азия, Африка, Австралия и Южная Америка не пережили промышленной революции. Промышленный прогресс европейских стран требовал от остального мира новых рынков и новых источников сырья. Цветные народы резко почувствовали на себе новый фазис европейской цивилизации. Проникновение в нецивилизованные страны и их эксплуатация приняла в XIX веке совершенно другую форму, чем прежние завоевания, захваты и столкновения разных цивилизаций. Развитие средств транспорта открыло европейцам легкую возможность втянуть отдаленные страны в орбиту их промышленной и торговой системы. Индустриализация Европы коренным образом изменила соотношение мировых сил и прежде всего их военных сил. Если ранее азиатские и африканские народы могли все же противопоставить кое-какое сопротивление нашествию белых, то теперь колониальные народы имели против себя все совершенство современной военной техники. Азия, а тем более Африка оказалась совершенно беспомощными перед этим натиском, за которым стояла вся сила организации современного капиталистического государства. Экспансия Европы была необычайно действенна. За столетие между 1815 и 1914 гг. Азия, Африка, Австралия со всеми островами „семи морей“ были покорены и поделены между европейскими странами. Это был невиданный ранее за всю историю человечества успех одной цивилизации над всем миром. Но этот успех не замедлил сказаться в обострении столкновения цивилизаций, в росте расовых конфликтов и религиозной вражды. В отсталых странах стали зреть собственные национальные силы. „Реакция против нажима со стороны Европы неминуемо принимает форму национальных движений в отсталых странах“. Будущий историк, вероятно, будет рассматривать империализм XIX века и реакцию против него, как одну из наиболее характерных черт нашей эры.

История человечества знала и ранее подобные же завоевания, сопровождающиеся столкновением цивилизаций разного уровня. Но ранее

эти завоевания носили только внешний, поверхностный характер. Внутренняя социальная структура завоеванных стран оставалась по большей части незатронутой. Разные цивилизации могли спокойно столетиями уживаться рядом друг с другом. Современный империализм принес другое, он принес разрушение низшей экономической организации, что является характерным для всей истории XIX века.

Принося в отсталые страны новые высшие формы социальной организации, империализм заносил вместе с тем и семена тех социальных сил, которые этому империализму себя противопоставят и уже противопоставляют. Переломным моментом является рубеж XIX и XX вв., когда начал чувствоваться рост собственных национальных сил в Японии, Китае, Индии, Турции, Афганистане, у негритянского населения Соед. Штатов и у народов Африки.

Рост этих сил грозит острым конфликтом с силами империализма. Угнетенные народы уже не имеют ни терпения, ни благоразумия, ни возможности сносить гнет империализма. Движение против Европы достигло уровня, при котором борьба с ним не может быть успешной. Возможно, что нажим европейцев будет иметь временный успех, и контроль Европы над угнетенными народами восстановится, но в конце концов восстание против него будет только более ожесточенным и более разрушительным. И если капиталистическая Европа будет сопротивляться переходу колониальных народов из положения объектов империализма к полной независимости, мир встанет лицом к лицу со столкновением, по сравнению с которым мировая война будет казаться ничтожным несчастьем.

Пути выхода из острого конфликта между империализмом и колониями Вульф видит... в Лиге Наций, как наднациональной организации. Она прежде всего должна заняться вопросом о „бесчестном применении системы мандатов“. Он настаивает на праве Лиге Наций осуществлять контроль над мандатной администрацией, на желательности учреждения самой Лигой Наций собственного управления отсталыми народами. Суверенитет над мандатными территориями должен, во всяком случае, принадлежать Лиге Наций. Принципом управления должна стать экономическая свобода для отсталых народов, воспрещение отчуждения их земель, жестокого налогового обложения и иных форм принуждения. Международная администрация должна стремиться развивать и улучшать местное хозяйство и вообще создавать атмосферу мирного сожительства, а не конфликта и эксплуатации, — она должна стать антизой империализма. Залогом того, что такой проект не мечта, а реально осуществимая задача являются... подписи таких блестящих деятелей, как Ллойд-Джорж, Клемансо и даже „сеньор Муссолини“.

Как видит читатель, блестящее предисловие приводит автора к ubo-гому выводу. Причиной тому является неопределенность идеологической позиции автора и непродуманность им основных понятий, о которых он трактует в своей книге. Что такое империализм, что такое цивилизация? Почему современный империализм не может уживаться с низестоящей хозяйственной организацией? Конечно, потому, что империализм, как высшая стадия капитализма, нуждается в разрушении докапиталистического хозяйства. Он должен в той или иной форме экспроприировать земли дикарей, чтобы создать кадр пролетариата для своих плантаций, он разрушает ремесло и вообще натуральное хозяйство, чтобы очистить место для своих фабрикатов, ему необходимо, как выражается Анатоль Франс, „перебить две трети всего населения, чтобы заставить остальных покупать дождевые зонты и подтяжки“... Дело тут не в злой воле торговых компаний, отдельных империалистов и не в злоупотреблениях колониальной администрации, а в самой сущности капиталистической системы, которая

стремится к неоплаченному труду колониальных народов и непреодолимо втягивает в орбиту мирового товарного хозяйства все территории мира. Формы его эксплуатации могут быть те или иные, но сущность остается та же. Тут не поможет Лига Наций, как овцам не поможет волчья лига.

Так, отсутствие правильных теоретических основ приводит автора при его буржуазном гуманизме, либерализме и при всей осведомленности в колониальных вопросах к жалкой положительной программе, не-реальность которой, кажется, чувствует он сам.

Книга представляет интерес только по сообщаемым в ней фактам, особенно по колонизации Африки, о которой русский читатель знает меньше, чем о работе империалистов на других континентах.

А. Бонч-Осмоловский

Стюарт Чэз и Ф. Шлинк. Как растрачиваются деньги потребителя. Перевод с американского, ГИЗ, 1928 г., стр. 194, цена 1 р.

Стюарт Чэз — один из интереснейших американских экономистов нашего времени. Его на шумевшая работа „Трагедия расточительства“ в свое время привлекла всеобщее внимание, в том числе и внимание советского читателя (она была переведена на русский язык) новизной постановки вопроса и, что особенно характерно, критическим (конечно, в пределах, мыслимых для буржуазного экономиста) подходом к оценке современного капиталистического производства. Рецензируемая коллективная работа ставит вопрос о растрате денег потребителем в самой конкретной материальной плоскости. Опираясь многочисленными конкретными примерами и цифровыми подсчетами, авторы с чисто американской деловитостью разоблачают анархическую систему производства в Америке и бешеную капиталистическую конкуренцию, основанную на простом шантаже, надувательстве и обмане потребителя.

„В стране чудес“ — как названа первая глава работы — рынок рассматривается исключительно как арена, где необходимо проявить „искусство продать“. Это положение чрезвычайно отчетливо сформулировало одно американское рекламное агентство, обратившееся к владельцам торговых предприятий со следующим „возвращением“:

„С очень большой натяжкой можно считать, что 25% всех дел совершенных в нашей стране, вызываются действительно „естественными потребностями“. Остальные 75% являются в той или другой форме результатом искусства продать — на этих 75% строится наша и ваша жизнь“ (14).

За этим „искусством продать“, воплощенном в исключительной рекламе, скрывается, конечно, самое настоящее надувательство. Правительственное бюро стандартов, обследовавшее качество дерева, употребляемого мебельными фабрикантами, установил, что „из 9% выделялась очень прочная мебель, из 35% — прочная, тогда как 56% давали сомнительную или определенно непрочную мебель“ (21). И так-же, по сообщению авторов, положение почти во всех отраслях производства и торговли.

Стихия рекламы настолько захватила все деловые круги Америки, что она не миновала и достаточно серьезное „Гарвардское деловое обозрение“. Последнее не мало строк посвятило основательному обсуждению вопроса о различиях, существующих между „экстравагантностью“ и „новостью“, имея в виду постановку рекламного дела. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. В Америке, оказывается, существует специальное „Акционерное общество“ с солидным капиталом, задачей которого яв-

ляется снабжение рекламных фирм и торговых предприятий „именами“ или „звездами“, т. е. рекомендациями тех или иных товаров, подписанными именитыми людьми. Разумеется, „имена“ также подходят к „рекомендациям“ по деловому, и в этом смысле очень большие способности проявила румынская королева в бытность свою в 1926 г. в Америке.

Авторы рецензируемой книги, однако, не ограничиваются одним перечислением фактов, приведенных ими, к стати сказать, с некоторым излизеством. Они пытаются дать объяснение тем противоречиям, которые порождают это обирательство потребителей. Для них ясно, что нездоровая капиталистическая конкуренция — плод анархии в производстве, убивающей все результаты технического прогресса.

„При потенциальной возможности Америки повысить в два раза производство предметов потребления, — пишут они, — все же продолжается безработица, остается бедность, две трети всего американского населения живет ниже уровня здоровья и приличия, — это подтверждает и Департамент труда Соединенных Штатов... Наша финансовая система основана на экономике недостатка, наши заводы построены на экономике избытка. Эти две системы не могут примириться; несмотря на бешеные, но бесплодные попытки к этому, в результате появляются новые виды конкуренции“ (30). (Подчеркнуто нами. И. Б.)

Чэз и Шлинк, тем не менее, достаточно осторожны. Их буржуазная идеология не позволяет им даже называть вещи своими именами. Говоря „наша финансовая система“, они имеют в виду „капиталистическую систему“, которая — судя по приведенной цитате — вступает в своеобразную критическую полосу. Но подходя вилотную к необходимости сделать логический вывод, авторы круто повертывают и спешно смягчают всю остроту своих правильных положений. Они несколько раз повторяют, что „наши основные взгляды и не новы и не революционны ни в какой мере“ (152). Они хотят только указать на недочеты, помочь устранить их и в качестве „целебных средств“ выдвигают два момента — стандартизацию и спецификацию. Правда, авторы не обольщаются стандартизацией; для них ясно, что на пути этого частичного оздоровления перерастающего капитализма всегда будут встречаться препятствия, преодоление которых почти невозможно. Капиталистическая стандартизация — паллиатив, доказательством чего могут служить малые результаты работ в этой области, производимые многочисленными государственными и научными учреждениями.

Приведенное противоречие — не единственное. Авторы в различных местах книги иллюстрируют проведение рекламных „кампаний“, стоящих огромные деньги и имеющих перед собой одну задачу, как образно пишут они — „взять приступом рынок“ (например, „Всеобщая автомобильная компания“ израсходовала в 1927 г. до 20 миллионов долларов на рекламирование своей продукции, а лесные фабриканты собрали 4 миллиона долларов для проведения своей пятилетней программы реклам). Авторы приходят при этом к заключению, что „весь этот хаос и ведет к конкретным экономическим последствиям... Местная торговля после периода бумов приходит в полный упадок. Торговцы бегут в Европу или катятся к банкротству“. Но, спешат они заявить, „авторы книги совсем не враги техники рекламы. Сама по себе эта техника великодушна...“ (42). Или в другом месте разоблачая совершающееся ограбление потребителя с помощью огромной посреднической цепи, они наивно вопрошают: „Значит ли это, что посредник — жадный мошенник, кладущий эту сказочную разницу себе в карман. Только в редких случаях. Эта разница в большинстве случаев поглощается торговыми расходами“ (85).

Должно все же отметить, что частые противоречия, вполне объясняемые психологией авторов, нисколько не умаляют ценности рецензируемой работы. Чез и Шлинк обнажили и разоблачили крупнейшую область капиталистического мира. Та настойчивость с какой они выдвигают идею стандартизации и спецификации, как двух крупных элементов планового ведения хозяйства, чрезвычайно показательна. Чезу ясно, что „социалистическое государство, контролирующее главные средства производства и распределения, могло бы, если оно захотело, избежать этой расточительности и потерь“ (предисловие, стр. IX). Что же касается капиталистического государства, то здесь нужно убеждать, и можно сильно сомневаться в положительных результатах этого убеждения.

Чез и Шлинк остановили свое внимание на очевидно очень злободневной для современной Америки теме. Мы являемся свидетелями появления в свет первой работы, посвященной ей. В качестве примера следует упомянуть о книге Р. Борсоди, вышедшей в Америке в 1927 г. под интригующим названием „Век распределения“.¹ Борсоди, собственно говоря, несколько предвосхитил авторов рецензируемой книжки, но его постановка вопроса глубоко отлична от чезовской. Он за усиление конкуренции, за уменьшение расходов транспорта и обложения, за увеличение покупательной способности потребителя (это — в Америке, где, по сообщению Чеза и Шлинка, „показательная способность населения 1926 г. была уже в 1925 г. запропана на 5 миллиардов долларов“) и... за оказание большего покровительства искусству. Последнее, по мнению Борсоди, должно привести к сокращению вложений высших групп населения в новое и излишнее промышленное строительство и к увеличению емкости рынка. Но все эти предложения вносятся под знаком резчайшей критики современного состояния американской торговли. Подобно обоим авторам Борсоди подчеркивает рекламную вакханалию, царящую в современной Америке, неспособную в условиях созданных рыночных взаимоотношений в С.-А.С.Ш., привести к каким-либо большим результатам. Объединяет авторов обеих книжек еще и то, что в них полунамеками, отдельными подчеркнутыми положениями констатируются симптомы упадочности капитализма; однако, боюсь логических выводов заставляет их — каждого в разной степени — тянуть назад к „честному и добросовестному“ фабриканту — продавцу, деятельность которого всегда страдала от наблюдаемого теперь в Америке состояния хаоса и стихии.

Книжка Чеза и Шлинка заслуживает особого внимания нашего читателя. Мы рекомендуем ее не только потому, что она читается легко и раскрывает перед читателем многое совершенно неизвестное и, подчас, ошеломляющее; ее следует прочесть для того, чтобы, во-первых увидеть „страну чудес“ такой, какой она есть в действительности и, во-вторых, понять, какие реальные перспективы открываются перед „страной возможностей“ — СССР.

И. Браславский

НОВЫЕ КНИГИ

Проф. В. Р. Вильямс. Пути повышения урожайности и реконструкция сельского хозяйства. Изд. „Новый агроном“ М. 1929, стр. 60, цена 25 коп. Брошюра В. Р. Вильямса трактует об очередных задачах, главным образом, в земледелии, в связи с постановкой на очередь вопроса о повышении урожайности и реконструкции сельского хозяйства вообще. Обосновывая травопольную систему земледелия в противоположность паровой, автор исходит из общих потребностей планового воздействия на сельское хозяйство СССР.

География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. Изд. ЦСУ СССР М. 1928, стр. текста 37+52 стр. цифр +42 картограммы. Настоящая работа, являю-

¹ См. отзыв об этой книге Ц. Крона в журнале „План. Хоз.“ № 2 за 1928 г.

щаяся первой частью материалов к с.-х. районированию, представляет опыт денежной оценки товарной массы поездных транспортных балансов по довоенным ценам. Вместе с тем, цель этой работы представить динамику ценностных масс и состава избытков и недостатков с.-х. продуктов по районам.

Пути народнохозяйственного развития УССР. Материалы к построению пятилетнего перспективного плана. Изд. Укргосплана. Харьков, 1928, стр. 488, цена 3 руб.

Настоящая работа является коллективным трудом, представляющим первые итоги работ Укргосплана и Наркоматов УССР по построению пятилетнего перспективного плана на 1928/29—1932/33 гг. Основная задача этой работы — выявление предпосылок для последующей проработки пятилетнего плана на основе приводимых в ней перспектив развития отдельных отраслей народного хозяйства УССР.

Естественно-производительные силы УССР. Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Труды Госплана УССР. Вып. V. Изд. Укргосплана, Харьков, 1928, стр. 223+11 карт.

Приведенный сборник очерков посвящен характеристике географического положения и орографии УССР, недр, почвы, леса, рыбного и водного хозяйства и т. д. Настоящий том входит составной частью в работу, предпринятую Госпланом УССР совместно с Оргбюро всеукраинских конференций по изучению производительных сил.

Материалы по районированию Казахстана, том II. Изд. Казгосплана, Камл.-Орда, 1928, стр. 196+1 карта. Цена 3 р.

Второй том материалов (I том вышел в 1925 г.) включает описание округов и характеристику районов Казахстана на основе новых данных, но значительно отличающихся от тех, которые были положены в основу I тома.

Сельскохозяйственные районы Уральской области. Изд. Уралплана. Свердловск, 1928, стр. 193+72 стр. таблиц+1 схема. Цена 6 р.

Настоящее издание представляет собой результат коллективной работы группы уральских специалистов сельского хозяйства. Районы, выделенные в этой работе, по мысли составителей, должны рассматриваться как первая наметка основных типов с.-х. производства на территории Урала, увязанная с задачами общего и сельскохозяйственного районирования.

Проблема районирования Коми автономной области. Изд. Облгосплана Коми авт. обл., гор. Усть-Сысольск, 1928, стр. 103+30 диаграмм. Цена 1 р. 50 к.

Анализ основных административно-экономических элементов районирования Коми автономной области, даваемый в настоящей работе, имеет целью обосновать необходимость оставления области самостоятельной административно-экономической единицей в областной системе РСФСР и целесообразность включения ее в состав проектируемой Сев.-Вост. области.

Г. Кутуз. Расселение средне-вожжской деревни. Самарская губерния. Изд. Статистич. Отдела Самарского Губисполкома. Самара, 1928, стр. 138. Цена 2 р. 50 к.

Автор этой работы поставил себе задачей осветить процессы расселения в деревне в наиболее типичной для средне-вожжской области Самарской губернии. Предпосылая конкретной части работы методологическое введение, автор в последующих главах дает статистико-экономическую характеристику процессов расселения в Самарской губернии до войны, во время мировой и гражданской войны, голода, эпидемии и в наши дни.

М. Н. Кутуз. Великий волжский путь и его значение в развитии Нижегородского края. Нижний Новгород, 1928, стр. 112+4 карты. Цена 60 коп.

Настоящая брошюра представляет экономико-исторический очерк развития Волжской речной системы с точки зрения торговли, судостроения и будущего транспорта.

Материалы к плану народного хозяйства Рязанской губернии. Вып. V. Изд. Рязанского Губплана, 1928, стр. 138, цена не указана.

В основу настоящей работы положено выявление исходных моментов социально-экономической структуры крестьянского хозяйства Рязанской губернии. В качестве исходных материалов в эту работу привлечены данные сплошного годового динамического обследования, произведенного Рязанским Губстатотделом в 1926 г. и монографические бюджетные описания крестьянских хозяйств в 1925/26 г.

Е. Варга. Экономика капитализма в период заката после стабилизации. ГИЗ, 1928, стр. 134. Цена 1 р. 30 к.

Работа Е. Варга представляет краткий очерк наиболее важных фактов и тенденций развития мирового капитализма со времени стабилизации.

Наркер Томас Мун. Империализм и мировая политика, ГИЗ, 1928, стр. 430. Цена 4 р. 50 к.

Автор — профессор Колумбийского университета — дает аналитическую характеристику мирового империализма, рассматривая последний не только как плод определенной политики, а главным образом, как результат воздействия экономических факторов. Однако, Мун остается все время на описательной точке зрения (книга насыщена фактическим материалом), предпочитая ее обоснованию социально-экономической стороны империализма.

А. Султанзаде. Колониальные страны и мировое хозяйство. Изд. „Московский Рабочий“, М. 1928, стр. 152. Цена 1 р. 10 к.

Задача настоящей работы — осветить этапы развития колониальной политики в историческом разрезе с выявлением характерных особенностей современной колониальной системы наиболее крупных мировых держав. На ряду с этим автор дает экономическое обоснование развития и существования каждой колониальной системы и на этой основе пытается вскрыть противоречия, тающиеся в современном капитализме.

Эфр. Лемберг. Экономика мировой киноиндустрии. Изд. Теа-Кино-Печать, 1929, стр. 200 + 15 диаграмм. Цена 2 р. 50 к.

Автор приведенной книги задается целью определить экономическое значение современной кинематографии, состояние отдельных национальных производств и кинорынков в условиях возрастающей концентрации этой отрасли и борьбы за преобладание.

Е. Вейс. Египет. Изд. „Моск. Рабочий“, М. 1928, стр. 126 — 10 рисунков и карта. Цена 60 коп.

П. Йогансон. Швеция. То же издание. М. 1928, стр. 68. Цена 40 коп.

Обе брошюры являются частью выпускаемой Издательством „Московский Рабочий“ серии под названием „Все страны“. И первая и вторая знакомят читателя с историческими этапами экономического и политического развития страны, при чем в очерке об Египте отдельное место отведено вопросу о взаимоотношениях между этой страной и Англией.